

Светлана Алешина

Средство от скуки

Часть сборника
Фуршет с трагическим финалом
(сборник)

Светлана Алешина

Средство от скуки

Серия «Новая русская»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=134719

Алешина С. В. Фуриет с трагическим финалом. Средство от скуки:

Повести: ЭКСМО-Пресс; Москва; 2001

ISBN 5-04-088097-9

Аннотация

«...В это время по местному радио, включенному почти на полную мощность, передавали новости из криминальной жизни города. Лариса всегда прислушивалась к подобным сообщениям – нередко просто по инерции. Она понимала, что для нее вряд ли будут интересны какие-то корыстные экономические преступления или убийства, совершенные по пьянке простыми, не отягощенными интеллектом людьми. Но неожиданное упоминание диктором имени экстрасенса Кирилла Аткарского заставило Ларису превратиться в слух. Ведущий передачи сообщал о том, что господин Аткарский, в прошлом психиатр, практиковавший в одной из местных лечебниц, известный в городе как выдающийся экстрасенс, был обнаружен вчера вечером задушенным телефонным проводом в собственной квартире.

– Вот это да! – только и сказала вслух Лариса, замерев перед приемником и тупо глядя на него...»

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	41
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Светлана Алешина

Средство от скуки

Глава 1

В тот весенний вечер мало что предвещало для Ларисы погружение в интересную историю. Впрочем, подруга Ларисы, экзальтированная парикмахерша Эвелина Горская, казалось, это предвидела. Потому что именно она настояла на том, чтобы Лариса вместе с ней поехала в дом культуры «Салют».

– Лара, ты меня знаешь, я практичная женщина, – говорила Эвелина. – Практичнее меня нет никого в нашем городе. Но там действительно интересно.

В последнее время парикмахерша ни с того ни с сего увлеклась экстрасенсорикой, и это увлечение стало неожиданным для подруги. Эвелина действительно была земной женщиной, слишком земной, типичная мажорка средних лет, менявшая любовников как перчатки и ориентировавшаяся в жизни в основном на материальные ценности. Тем более удивительным было это ее новое увлечение.

Лариса, директор ресторана «Чайка», тоже была далека от мистики. И тоже в принципе мажорка, но не такая откровенная, как Эвелина. А поехала она в «Салют» как всегда по

одной причине – от скуки.

Дворец культуры находился на окраине города. Это было довольно загадочное место – после часовых поисков вдруг выяснилось, что всезнающая Горская никогда в «Салюте» раньше не была. И подружки начали нервничать, правда, причины для этого у них были разные.

Лариса думала о том, что среди незнакомых людей они могут оказаться не к месту и не ко времени. Уже представила себе весь спектр ощущений, которые предстояло пережить, причем превалировало чувство неловкости и злости. Словом, Лина, как всегда, втянула ее в авантюру, и уж несомненно, если этот дом культуры все-таки отыщется, подруга будет вести себя там слишком раскованно.

А Горская вот уже минут пятнадцать, с того самого момента как они вышли из такси, ругалась последними словами, проклиная «эту дуру шизофреничку, которая способна дать инструкции даже по поводу того, где живет сам дьявол, но обязательно что-нибудь да напутает».

Речь шла о некоей особе по имени Оля, которая некогда была соседкой Эвелины и страдала сильной формой шизофрении.

Знакомый Ларисы, профессиональный психолог Анатолий Курочкин, как-то проводил с ней сеансы и пришел к неутешительным выводам.

– Синдром Клерамбо-Кандинского, – развел руками Анатолий Евгеньевич. – Медицина бессильна, я тоже.

– И что же делать? – обеспокоенно заглядывала ему в рот мама Оли.

– А ничего, – спокойно отвечал Курочкин. – Пускай себе живет дальше. В принципе она может себе это вполне позволить. Правда...

И Курочкин изложил потенциальные опасности, которые могут подстергать Олю на ее дальнейшем жизненном пути.

– Бред воздействия – это плохо. Больному кажется, что на него телепатически воздействуют некие злые силы – например, из-за соседней стены, или через телевизор, или даже через случайного попутчика в троллейбусе. Или, к примеру, через канализационные трубы ему посылаются какие-то приказания, исходящие от таинственных парапсихологов или жутко засекреченных лабораторий спецслужб всех стран и континентов.

– Ой-ой-ой, – качала головой обескураженная мама.

– Человек таким образом теряет способность критически мыслить и живет в своем выдуманном бредовом мире, – продолжал Курочкин. – Переубедить его невозможно. Любая информация о том, что парапсихологи в канализации не живут, что там находятся исключительно продукты распада человеческого организма, то бишь дерьмо и моча, подвергается большим тщательной переработке и нередко талантливо вплетается в общую структуру бреда. Больной неожиданно начинает полагать, что эти самые отходы могут напиткиваться значимой информацией и, проходя мимо унитаза в

уборной, посылают больному квантовые информационные импульсы.

– Фу, какая гадость, – морщились родственники шизофренички.

– Это еще ничего, – успокаивал Курочкин. – Это ведь никому не мешает. Вот если к бреду воздействия примешивается бред отношений, то... Больному вдруг кажется, что его или все необычайно любят, или, наоборот, испытывают неприязнь, и любой, даже нейтральный знак, взгляд, движение руки окрашивается в любовный или ненавистный тона. На пике бреда отношений может казаться, что во дворе, например, организуется заговор дворников с целью лишения его, больного, душевного равновесия. Причем основным средством осуществления заговора является методичное подметание дворниками асфальта под его окнами. Вот тогда... больной может просто-напросто убить впавших в немилость дворников подвернувшимся под руку тяжелым предметом. Например, выкинуть из окна на голову ничего не подозревавших мирных тружеников метлы телевизор.

– И как же? – совсем потеряли покой родственники.

– У Оли вполне мирный вариант болезни, – подвел итог Курочкин. – Дворники могут спокойно продолжать работать.

И вот эта самая Оля, в безрадостной перспективе психического здоровья которой был убежден Анатолий Евгеньевич, недавно сообщила Эвелине Горской о том, что в горо-

де появился очень интересный экстрасенс по имени Кирилл Аткарский. Что он завоевал большую популярность и собирает каждый раз довольно значительную аудиторию. И Эвелина уговорила Ларису пойти вместе с ней на встречу с этим человеком.

– Он может быть интересен тебе и с женской точки зрения! – с улыбкой соблазнительницы уверяла Горская подругу.

И тут Лариса поняла, в чем дело: Эвелина скорее была взбудоражена возможностью знакомства с самим экстрасенсом Аткарским, нежели имела интерес к тому, чем он занимается. Она согласилась сопровождать Горскую, несмотря на весь свой скепсис по поводу экстрасенсорики, после того как поняла, что альтернативы у нее на вечер еще более туманны и малоинтересны, нежели знакомство с Аткарским.

Уже давно стемнело. Из окон близлежащих домов лился желтоватый свет. Мартовский холодок забирался под юбку и вызывал неприятные ощущения. Хотелось домой.

Неожиданно Горская остановилась как вкопанная, лицо ее озарилось улыбкой, а глаза заблестели.

– Ну вот, – выдохнула она, – мы пришли.

И указала на стандартное здание с колоннами в псевдодревнегреческом стиле, которых в свое время в изобилии настроили по всему СССР и помпезно обозвали «дворцами культуры» и «домами пионеров».

Котова с Горской поднялись по ступенькам и вошли в ве-

стибюль. Навстречу им двинулась вахтерша – пожилая женщина в очках. Взглянув на обеих из-под очков подозрительным и в то же время, как показалось, пустым и ничего не выражающим взглядом, она спросила:

– Вы куда?

– В клуб экстрасенсов, – ответила Горская.

– А кто вы?

– Люди, – улыбка Эвелины вышла искренней и обезоруживающей.

– Я вижу, – равнодушно отреагировала вахтерша. – А к кому?

– Мы к Раисе Сергеевне, – и Эвелина назвала имя и отчество директрисы дома культуры.

– Это на второй этаж по той вон лестнице, – вахтерша кивнула на дальний от Ларисы и Эвелины вход. – Там увидите, на двери написано.

– Спасибо, – поблагодарила Горская, и подруги двинулись в направлении, указанном вахтершей.

Они поднялись на второй этаж и довольно быстро отыскали дверь с табличкой «Директор». Горская постучала и, услышав возглас «Да-да», открыла дверь.

В кабинете за столом сидела импозантная дама лет сорока-пятидесяти. Было видно, что она отчаянно следит за собой. Но ее густо подведенные глаза и яркие полные губы почему-то неожиданно вызвали у Ларисы отвращение. – Неприятие на уровне подсознания.

– Что вы хотели? – спрашивала тем временем директриса грудным голосом. – Ах, да-да, проходите...

Она узнала Горскую, улыбнулась и жестом пригласила ее пройти в кабинет.

– Здравствуйте, – улыбнулась в ответ Эвелина. – Кстати, рекомендую, – она обратила внимание директрисы на Ларису. – Котова Лариса Викторовна. Директор ресторана.

– Очень приятно! – Раиса Сергеевна оценивающе посмотрела на Котову. – А почему вы не в зале?

– Мы сначала решили зайти к вам, чтобы вы представили нас, – не переставая улыбаться, ответила Горская. – Я ведь здесь тоже, можно сказать, человек новый...

– Ой, у нас все по-простому, – выдохнула Раиса Сергеевна. – У нас никто друг друга не представляет, все знакомятся по ходу. Так что не стесняйтесь, проходите... Впрочем, ладно, давайте я вас провожу.

Она еще раз внимательно посмотрела на Ларису, потом тронула за рукав Горскую и жестом пригласила ее отойти в сторонку.

– Лина, эта женщина – надежный человек? – спросила она строгим тоном.

Горская замешкалась.

– В каком смысле?

– Сможет ли она нормально воспринять все, что происходит в зале, и не станет ли болтать всякую чушь о нашем клубе за его пределами?

– Да что вы, Лариса – проверенный человек! – воскликнула Горская, всем своим видом показывая, что она гарантирует благонадежность подруги.

– Ну хорошо, – вздохнула Раиса Сергеевна. – Пойдемте, я провожу вас и вашу подругу...

И направилась к двери. Дождавшись, пока Горская с Котовой выйдут из кабинета, она закрыла за ними дверь и двинулась в сторону лестницы, ведущей на третий этаж.

Поднявшись, они прошли по коридору и вошли в зал. Он был не очень большим, скорее камерным. В нем царил полумрак. В углу располагалась маленькая сцена. На ней стоял длинный стол, плотно уставленный разнообразными яствами. Вокруг стола собрались мужчины и женщины разного возраста. Некоторые из них сидели, но большинство ели стоя, иногда переходя с одного места на другое, чтобы удобнее было дотянуться до привлекавших их внимание блюд.

Ларису удивило странное убранство стола. Правила сервировки, чувствовалось, здесь игнорировали. Колбаса нарезана большими ломтями, которые, словно набросанные, лежали в беспорядке. Присутствовало филе рыбы разных сортов, а также икра – красная и черная. На большом блюде красовался жареный поросенок, на других тарелках тоже лежало что-то мясное. Столовые приборы почти отсутствовали. Некоторые гости, правда, держали в руках ложки, но на столе и их не наблюдалось.

Заметив удивление Котовой, Раиса Сергеевна лукаво

улыбнулась и пропела:

– Пришлось импровизировать на скорую руку... Но... Как видите, это мало кого смущает, так что и вы не стесняйтесь.

Лариса вымученно улыбнулась. Однако ни великолепные запахи, ни с аппетитом жующий народ так и не смогли заставить ее по-настоящему расслабиться и забыть о своей неловкости.

– Так что вы говорили, Оля? – спросила полная пожилая дама с большой бородавкой на щеке довольно молодую женщину, свою соседку.

– Человек в первый черед живет, чтобы жить, – с бесстрастной, почти механической интонацией банальностью ответила та.

Банальность эту она изрекла с таким видом, будто произнесла цитату, достойную занесения в анналы человеческой мудрости, которые станут путеводной нитью для многих следующих поколений людей.

На взгляд Ларисы, Ольга выглядела несколько помятой. Она была скромно и невыразительно одета, ее голову венчала короткая стрижка. Но самое приметное – ее лицо из-за одного косящего глаза практически не выражало никаких эмоций. Словом, серая мышка из разряда городских сумасшедших. Причем звание это подтверждалось вполне официально – это была та самая шизофреничка Оля, которая пригласила Эвелину Горскую посетить сборище в доме культуры.

– Так вот... Чтобы жить... – механическим голосом, лишь

слегка обогащенным модуляциями, заимствованными у ведущих метеосводок, продолжала шизофреничка, – потом уже ради воспроизведения потомства. Поэтому в естественной технологии и сути наибольшее наслаждение возможно получить от центра. То есть от Царя Головы. Это даже сильнее, утонченнее и величественнее, чем секс.

Горская скептически скривилась, давая понять, что не может согласиться с тем, что говорит шизофреничка.

– Ну а у кого нет Царя Головы? – поинтересовалась в ответ пожилая дама.

– Понимаете, Римма Вячеславовна, я говорила о наивысшем наслаждении. Это станет возможно, только если встретишь родственную душу. Ну а насчет секса я вам тоже скажу... Сексуальные эмоции в момент оргазма и экстаза стоят по своей силе на втором месте.

– Ха-ха-ха! – громко рассмеялся молодой брюнет напротив Ольги, с невероятной быстротой перемалывающий челюстями только что добытый им огромный кусок жареной свинины.

– Ну, Оля у нас знаток! Как ты можешь рассуждать об оргазме?! – неожиданно изменился он в лице. – Ты хоть раз испытывала физическое, а не эмоциональное возбуждение, солнышко мое?

Девушка посмотрела на озлобленно-насмешливый оскал парня страдальчески-непонимающим взглядом щенка, которого грубо ударили сапогом.

– Оля, да не обращайтесь внимания, продолжайте. А твои, Денис, неудачи на личном фронте никому не интересны, – повернула голову в сторону насмешника дама с бородавкой.

В голосе Оли прибавилось нервного напряжения, и оно равномерно распределилось на все произносимые ею звуки.

– Люди, у которых сильно развита душа, с одинаковой подсознательной технологией чувствуют друг к другу сильное родство. Вот мужественность мужчин или миловидность женщин имеют в своей основе силу воли и подсознательное подавление ощущений слабости. Ощущение собранности и намагниченности приятно и самому человеку, и окружающим.

– Я читал твою последнюю работу, – вдруг серьезно заявил жующий парень, которого называли Денисом.

– Да-а? – протянула в ответ Оля, и в ее глазах мелькнуло выражение, которое можно было расценить как проявление уважения.

– И хорошо запомнил: ты там писала, что для омоложения главного мозгового центра нужно принимать внешние электротоки под ушной раковиной силой от одного до полутора ампер, при напряжении двадцать вольт и мощности три герца. Причем ты, Оля, категорически не рекомендуешь доводить мощность до двенадцати герц. Скажи, ты опытным путем постигла эту истину? – Денис откровенно издевался.

– Денис! – укоризненно посмотрела на него Римма Вячеславовна.

– Я правда так писала. Он все правильно говорит, – слегка кивнула Оля.

Лариса обернулась к Эвелине, и голосом человека, который намерен вот-вот упасть в обморок, задышала ей в ухо:

– Куда ты меня привела? Невозможно больше все это слушать! Тем более я из физики помню, что мощность не измеряется в герцах!

Горская хохотнула и снисходительно посмотрела на подругу:

– Я же тебя привела сюда, чтобы развеять скуку. Они тут все со сдвигом, неужели не ясно? Но если ты не хочешь это слушать, давай походим по залу, потусуемся. Пойми, главные люди еще не прибыли, – успокаивала Горская.

– Ладно, – сквозь зубы согласилась Лариса. – Вот уж никогда бы не подумала, что моя подруга Эвелина будет слушать всю эту пургу.

А про себя подумала, что, похоже, Эвелине пора было определяться в личной жизни. То есть выйти замуж за солидного человека – а то что-то у нее крыша начинает ехать. В облике Эвелины, однако, не ощущалось никакой нервозности, напротив, она, казалось, чувствовала себя здесь вполне счастливой.

Они вместе спустились со сцены и пошли, прогуливаясь, по выложенному мозаикой полу, вдоль двойного ряда белых колонн. В нескольких местах уже образовались небольшие кружки из трех-четырех человек, они активно обсуждали ка-

кие-то проблемы. К одному из них решили присоединиться подруги.

Один человек говорил, другой стоял с низко опущенной головой и, казалось, с большим вниманием слушал, третий не скрывал своего веселья.

Худощавый, среднего роста, уже не первой молодости человек высказывался горячо. Он нервно вскидывал голову, акцентируя внимание слушателей на самых важных, по его разумению, моментах. Его прямые волосы, небрежно постриженные, резко взлетали и вновь падали, всякий раз заметно поддаваясь силе земного притяжения.

– Я приношу максимальную пользу! И по-своему спасаю страну от экономического, терминологического, морально-го и военного Апокалипсиса! – восклицал он. – Да, я разоблачаю инопланетное засилье на земле! Можете не удивляться! А ФСБ, ГРУ и прочие ЦРУ и Моссады не только мне ни грамма не помогли, но и пытаются меня потопить, как и многих других. Я лично ежедневно чувствую на себе давление с инопланетными целями, исходящими от председателя космического ЦРУ под прикрытием ФСБ...

Оратор говорил все это с непререкаемой силой убеждения, а брызги слюны изо рта свидетельствовали о том, что он находится в эмоциональном экстазе.

– Никак это он с Олей недавно поговорил, – весело засмеялся один из стоявших рядом и подмигнул подошедшим девушкам. – Не бойтесь, он не кусается!.. Подходите, послу-

шайте.

Этот человек показался Ларисе знакомым. Но еще более она была удивлена, когда рядом с ним увидела своего хорошего приятеля, Андрея Патрушева. Он работал астрологом в одной из местных бульварных газет и давал частные консультации. Когда-то очень давно они с Андреем вместе учились в университете, только на разных факультетах.

– Да вы послушайте! – еще более горячился вещающий об инопланетном засилье мужчина. Он был явно ободрен присоединением к его аудитории двух еще довольно молодых женщин. – Инопланетная агентурная вертикаль намеренно приказала вбить клин между Президентом и левополучателями, чтобы остановить товаропроизводителей, бросить в дурдом просветителей, зажать вконец губернаторов, закрыть газеты про инопланетян, сравнить с США и так далее, – продолжил он с удвоенной энергией.

– Здесь, похоже, все отягощены психопатологией, – шепнула Лариса на ухо подруге.

– Да, они е. нутые, – грубовато подтвердила догадку подруги Горская.

– Все? – хохотнула Котова.

– Подожди, главные события еще не начались, – предостерегающе подняла палец вверх Эвелина.

И Лариса нахмурилась – для нее увиденного и услышанного уже вполне хватало. Она пожалела, что рядом нет психолога Анатолия Курочкина – вот он бы сразу разложил все

по полочкам, разъяснил бы, кто и каким заболеванием страдает, кому можно помочь, а кому – увы, уже нельзя. Вот ему бы здесь было действительно интересно, а Лариса уже начала скучать. И та скука, которая у нее была до посещения этого ДК, совсем не прошла, а, наоборот, даже усилилась. Котова вдруг почувствовала, что в зале этого заведения царит какая-то тяжелая атмосфера, которая физически вроде бы не ощутима, но на подсознание постоянно давит.

– Всем правит Досье! – вдруг раздался громкий голос Оли, который шарахнул по мыслям Ларисы о тяжелой атмосфере здешнего зала с новой мощью. – Это очень сильная организация, она ведет всех. А я не ведусь, поэтому у меня и проблемы, и жизнь складывается не так, как хотелось бы.

– Это как – ведет? – поинтересовалась Горская, повернув голову в сторону шизофренички.

– А так, – обернулась, уставившись на нее, Оля и удивляясь непонятливости Эвелины. – Путем западания по технике, путем клонирования... Я однажды проснулась оттого, что открылась дверь, и в комнату вошел мой муж.

– И что же?

– Дело в том, что мой муж лежал рядом, а вошел другой человек в образе моего мужа.

– А может быть, наоборот? Может быть, ты с любовником лежала? – осмелился пошутить Патрушев.

– Молодой человек! Что вы себе позволяете?! – В голосе Оли появились истерические нотки. – У меня тогда не было

любовников, это просто организация решила меня наказать за то, что я не ведусь за ними. Естественно, был скандал, и муж ушел...

– А тот, другой муж, тоже ушел?

Оля посмотрела на психолога как на полного идиота.

– Я же говорю – муж ушел. Тот, другой, был совсем не муж, а просто с его лицом.

– Лучше расскажи, как ты росла, Оля, – попросила Римма Вячеславовна.

– Я росла очень необычно, – сказала Оля. – Дмитрий, дайте мне свою руку.

Она обратилась к крупному молодому человеку, стоявшему рядом с Андреем Патрушевым.

– Зачем? – удивился тот, которого называли Дмитрием.

– Ну дайте, не бойтесь, я вас не убью...

Дмитрий пожал плечами и протянул Оле широкую ладонь.

– Ну вот, как я и думала, – удовлетворенно заметила Оля после минутного осмотра кисти. – Мне о вас мой дедушка рассказывал в свое время. У вас такая же кисть, как и у него.

– И что же? – вступил в разговор Патрушев.

– А то, что мой дедушка был совсем не мой дедушка, а тот, кого послало Досье. И он меня воспитывал. И рассказывал про многих людей, которые у меня будут в будущем. Вот про Дмитрия, в частности, рассказывал. У вас руки ненастоящие, Дима.

– Это как? – удивился тот.

– В лаборатории изготовили, – спокойно ответила Оля. – Такие опыты проводятся с сороковых годов, вы что, не знали?

– У нас сегодня в гостях будет интересный человек, – подала в этот момент голос Римма Вячеславовна, чтобы несколько разрядить обстановку, поскольку Олины высказывания становились все более неразумными.

– Да, экстрасенс Кирилл Аткарский, – пояснил сексуально озабоченный мальчик по имени Денис.

В этот момент Патрушев наконец признал в Ларисе свою давнюю знакомую и выразил огромную радость по поводу неожиданной встречи. Лариса тут же представила Андрея своей подруге. Эвелина отреагировала достаточно сухо – Андрей был одет очень обыденно, выглядел несолидно, ко всему прочему был долговяз и худ. Совсем не во вкусе Эвелины, которой нравились представительные и умеющие себя преподнести мужчины.

– Патрушев, а ты совсем обнаглел, – слышала Лариса позади себя чей-то веселый голос. – Знаком с такими шикарными женщинами и до сих пор не удосужился меня представить. Ты просто невоспитанный! Ладно, я сам представлюсь... Отрекомендуюсь. Филимонов Дмитрий Сергеевич.

И «человек с ненастоящими руками» браво, по-гусарски потряхнул густыми волосами. Это был высокий, крепкий брюнет с правильными чертами лица. И на него Эвелина Горская

отреагировала с гораздо большим интересом.

– Кто такой? – спросила вполголоса Лариса у Патрушева.

– Мой друг, Дмитрий. Он занимается установкой систем сигнализации, – ответил Андрей и смущенно посмотрел на Ларису.

– В таком случае я – Лариса, а это – Эвелина, – сделала жест в сторону подруги Котова.

– Очень приятно, – выдохнул Филимонов и взял Ларису под локоть.

Лариса, неискренне улыбаясь, потихоньку высвободила руку и отодвинулась от него. Филимонов, не обращая внимания на холодность дамы, продолжал говорить:

– Сейчас придет Кирилл Аткарский, экстрасенс... Очень влиятельный человек, вхож к губернатору. Вернее, не к губернатору, а к его жене, которая постоянно к нему обращается по самым разным вопросам. Он ее главный советчик.

– Неужели он приходит к ней прямо домой? – удивилась Горская, с ходу вклиниваясь в разговор и привлекая к себе внимание Филимонова.

– Да, он у них званый и любимый гость! – Филимонов, однако, переключил свое внимание на Горскую, поскольку мгновенно определил, что из двух женщин именно она им заинтересовалась.

– Вы-то откуда это все знаете?

– Разнообразная клиентура, разговоры, сплетни, – уклончиво хмыкнул Филимонов. – Некоторые мои клиенты очень

общительны.

– Да это скорее тебя можно назвать общительным, – возразил Патрушев.

– Я, помимо того, что умею разговаривать, умею еще и слушать, – парировал Филимонов, сделав весьма загадочное лицо.

Патрушев не стал возражать, поскольку у него и не было особых аргументов. Филимонов действительно умел и то и другое. Но несмотря на то что Патрушев сам не мог сказать себе, что не обладает этими качествами, все же его приятель в этом смысле был более социально адаптирован.

В этот момент дверь открылась, и в зал вошли двое. Впереди вальяжной походкой шествовал высокий крупный мужчина лет сорока с каштановыми выющимися волосами до плеч. Он держал голову очень прямо. Одет мужчина был в льняной мягкий костюм.

Позади него, несколько смущенно и неуверенно, шла молодая блондинка.

Патрушев вдруг изменился в лице. Он напряженно вглядывался в лицо блондинки, и лицо его становилось все бледнее. Он повернулся и спросил у Филимонова дрожащим голосом:

– Т-ты... Ты знал об этом?

Филимонов ничего не ответил.

– Ты знал и молчал?

– Я узнал об этом только вчера, – наконец хмуро ответил

Дмитрий.

Лариса и ее подруга не поняли, о чем идет речь, но почувствовали, что произошло что-то неприятное для Патрушева.

Общение между двумя мужчинами и двумя женщинами как-то само по себе расстроилось, к тому же все присутствовавшие в зале повернулись в сторону вошедших. А холеный шатен, заметив некоторую неуверенность своей спутницы, обернулся и манерно предложил ей руку, чтобы она могла на нее опереться. Прodeв под нее свою тонкую кисть, она положила ее на локоть мужчины.

Собравшиеся в зале люди, увидев приближающуюся пару, зааплодировали. Римма Вячеславовна даже вышла навстречу им. Все мужчины также спешили засвидетельствовать свое почтение. Все улыбались, и было непонятно – естественные это улыбки или натянутые. Возможно, причиной тому был полумрак, царивший в зале.

– Здравствуйте, Кирилл Владимирович.

– Добрый вечер, Кирилл Владимирович, очень рады вас видеть.

– Как хорошо, что вы сегодня пришли к нам!

Лариса уже поняла, что прибывший не кто иной, как ожидаемый всеми Аткарский. А он, осыпaeмый потоками приветствий, снисходительно молча кивал в ответ.

– Здравствуйте, – наконец сказал он хорошо поставленным голосом.

– А кто сегодня ваша муза? – спросил Денис.

– Рекомендую – Анна Давыдова, занимается дизайном, – представил он свою даму.

– Шарман! Трэ шарман! – неожиданно по-французски отреагировала Римма Вячеславовна, в умилении сложив руки около груди.

* * *

Патрушев же, облокотившись на колонну, застыл в позе Чайльд Гарольда и смотрел исподлобья на сцену, разыгравшуюся только что перед его глазами. Лишь он один почувствовал весь драматизм ситуации. Собственно, драма происходила только внутри у него. Настроение остальных, напротив, было приподнятым – явился давно ожидаемый всеми господин Аткарский. А на его спутницу всем по большому счету было наплевать. Всем, только не Патрушеву. Потому что это была его женщина, его... По крайней мере, так было еще совсем недавно. Еще позавчера. Когда они были близки.

Но теперь все кончилось. Он это уже знал. Узнал об этом всего лишь несколько минут назад, однако это ничего не меняло. Наоборот, добавляло драматизма: нервная система Патрушева уже вступила в борьбу с шоком и не могла допустить перегрева эмоций, под влиянием которых Андрей сломался бы и наделал глупостей. Или же погрузился бы в сжигающую разум депрессию.

Поэтому Патрушев как бы абстрагировался от всего про-

исходящего и попытался представить, что он играет в какой-то пьесе. Да, да, ему казалось, что все здесь происходит на самом деле, только это театральное действо, главным героем которого был сейчас не Аткарский, а он сам – Андрей Патрушев. Потому что именно его эмоции имели значение, а Аткарский – это так, необходимый элемент, по логике разворачивания театрального сюжета лишь оттеняющий действия главного героя...

Патрушев думал, и его мысли, облаченные в слова, если бы все это игралось на сцене, должны были бы произноситься. И он думал, стараясь проговорить все дословно и четко.

«Боже мой! Как же я не придал этому значения? Еще тогда, в момент той самой близости, он почувствовал – что-то не так. Ну а теперь-то стало понятно – она собиралась на свидание с Аткарским. Как верна была мелькнувшая у него догадка! Именно для Аткарского она сделала тогда новую прическу, именно для него надела элегантное, дорогое белье».

Почему он тогда не придал этому значения? Впрочем, теперь уже было все равно.

Аткарский тем временем прошел на сцену и занял почетное место во главе стола. Справа от него расположилась Анна. Судя по всему, она пока не заметила Патрушева – все ее внимание было приковано к блистательному экстрасенсу, к тому же в зале царил полумрак, и фигура Патрушева была незаметной.

– Я тебе никогда этого не прощу, Филимонов! – зашипел

он в ярости на приятеля.

Мысли его оборвались, и по закону жанра главный герой должен был излить на кого-то свой гнев – разумеется, не на виновника главной причины его раздражения, потому что это было бы слишком неприлично и неадекватно – и он просто ткнул самого в тот момент близкого.

Филимонов был тоже не чужд некоей театральности. В тот момент он играл свою роль – роль спокойного мудреца, многое знавшего и знающего наперед. Дмитрий принял удар, пожал плечами и снисходительно произнес:

– Она не стоит тебя, дружок. Я это давно знал.

– Что? Что она спит с ним? – продолжал заводится Патрушев, резко ткнув пальцем в сторону Аткарского.

– Ну, во-первых, не надо сразу так наезжать на девушку! Спит она с ним не спит – еще неизвестно: свечку я не держал, – рассудительно заметил Филимонов. – А во-вторых, главное не в том, спит или нет... Важнее то, что она тебя не стоит. Ты достоин лучшего. А она – просто провинциалка с извечными желаньями и хотениями...

И, поскольку Патрушев не нашелся что ответить, Филимонов, отвернувшись, устремил свой взор на сцену.

– Какие у вас планы, Кирилл Владимирович? – подобострастно глядя на Аткарского, между тем спрашивала дама из «демонических женщин» с короткой стрижкой.

– Планы у меня многоплановые, – улыбнулся Аткарский, и все вокруг засмеялись этой, по мнению Патрушева, не

очень удачной шутке.

– Не намерены ли вы устроить сеансы для большой аудитории?

Аткарский нахмурился и после паузы жестко произнес:

– Эти сеансы – настоящая профанация. Я привык работать, а не водить других за нос.

Он достал из кармана пачку «Парламента» и небрежно выставил руку с сигаретой. Ему тут же была услужливо поднесена зажигалка. Он чуть подался вбок, манерно облокотился на стол и прикурил, не одарив взглядом даже того, кто подал ему огонь.

Таким образом, беседа неторопливо текла: пытливые вопросы со стороны поклонников, а это, несомненно, были поклонники, сменялись односложными, не слишком перегруженными смыслом ответами Аткарского. Он постоянно изображал на своем лице что-то среднее между раздраженностью занятого человека, снисходившего до общения с людьми ниже себя, и вежливой доброжелательностью. Он одаривал полуулыбками, взглядами из-под полуопущенных ресниц, чем приводил в восторг особенно женщин.

Анна же чувствовала себя скованно, неловко, но в то же время была довольна тем вниманием, которое уделяло общество мужчине, с которым она пришла. Она не притронулась к угощению на столе, но в то же время не отказалась от предложенного ей бокала красного вина в красивом, тонком хрустальном фужере.

Аткарский ничего не ел и не пил. Он только курил, стряхивая пепел куда попало – на стол, пол, колени соседа слева. Но никто этого словно не замечал. Все воспринимали это как должное. Только когда сигарета выгорала до фильтра, около Аткарского оказывалась рядом пепельница. Он тушил сигарету, и пепельница тут же исчезала, чтобы потом появиться снова в нужный момент.

Патрушев наблюдал за всем этим со своего полутемного места около колонны, и в его голове роились мрачные мысли. Да, конечно, Аткарский, которого он считал своим учителем, «состоялся». Все его так любят, просто обожают... А кто он, Андрей Патрушев, против Аткарского? Конечно, никто – просто хрен с горы... Червяк.

Патрушеву, однако, пришла в голову неожиданно ироничная мысль – ведь такой же червяк сидит и внутри Аткарского. Если иметь в виду его кишечник...

Филимонов, видимо, заметил, что его друг раздираем противоречивыми мыслями, и, как всегда некстати, ударил его по плечу, да так, что Патрушев чуть не упал.

– Ну что, пойдешь поздороваешься с ней? – спросил он, кивнув на Анну.

– Зачем? – хмуро спросил Андрей.

– Как зачем? Ты забыл о своих карьерных планах? – вскричал Филимонов. – Не собираешься же ты отказываться от них из-за такой ерунды?!

Лариса с Эвелиной стояли рядом и с интересом вслуши-

вались в диалог молодых людей. По крайней мере, Ларисе он был более интересен, чем личность, которая с видом хамоватого напыщенного индюка восседала за столом и демонстрировала свое псевдовеличие. На Эвелину, правда, Кирилл Владимирович произвел несомненно куда более приятное впечатление, и она его буквально пожирала глазами. Хотя и она умудрялась одновременно наострить уши на разговор Филимонова и Патрушева.

– Ну, если ты не хочешь сам, то это сделаю я, – сказал Филимонов.

– Не надо, Дима, – удерживал Патрушев.

– Прекрати бунт, – решительно прервал его Филимонов и быстрым шагом направился к экстрасенсу, который в тот момент с довольно кислой миной выслушивал бред шизофренички Оли.

Лариса видела, как Филимонов подошел к нему и, оперевшись одной рукой на край его стула, а другой на стол, что-то сказал ему на ухо. Аткарский сначала удивленно повернул голову, потом, после паузы, кивнул Филимонову своей величавой головой. Она также заметила, как несколько удивленно поднялись брови Анны Кравцовой, которая, по-видимому, узнала Филимонова.

Аткарский привстал со своего стула, сделал успокаивающий жест окружению – мол, он сейчас вернется – и пошел к Патрушеву.

– Андрей, в чем дело? – спросил Аткарский, обдавая сто-

явших рядом Ларису и Эвелину стойким запахом туалетной воды. — Филимонов несет какой-то бред насчет того, что ты стесняешься ко мне подойти.

— Нет, Дмитрий, как всегда, придумывает, — невнятно ответил Патрушев. — Вы же знаете...

— Куда ты пропал? Я ждал тебя вчера... — продолжил Аткарский. — Пришлось даже отложить встречу.

Интонация мэтра была оскорбленно-высокомерной.

— Да я...

— Это я виноват, — встрял Филимонов. — Я пришел, мы выпили, ну и... У Патрушева слабенький организм.

— Что же такое случилось? — вальяжно поинтересовался Аткарский.

— Я отравился, — Патрушев с облегчением вздохнул, подумав, что нашел наконец оправдание.

В тот же момент пришла мысль об абсурдности сложившейся ситуации: ему приходится оправдываться перед человеком, который, судя по всему, увел у него девушку.

Аткарский понимающе кивнул, как бы признавая причину неявки Патрушева на встречу уважительной. Потом обернулся к Филимонову, давая понять, что аудиенция с мэтром подошла к концу, и подчиненные ему по воле судьбы люди могут чувствовать себя свободными. Плавнo покачиваясь, подобно большому судну на воде, он направился к ожидавшему его обществу. Его тут же снова забросали всевозможными вопросами, и действие продолжилось в том же на-

правления, что и некоторое время назад.

Патрушев выглядел жалко и растерянно, совсем не смотрелся главным героем, каким воображал себя еще некоторое время назад. Печаль легла на его чело безвозвратно, и для того, чтобы обрести присущую главному герою пьесы уверенность, требовалось время. Но это были всего лишь его мысли и его ощущения. Реальность представляла иной. Ларису, к примеру, охватило сочувствие к Патрушеву. Она ничего не знала о мыслях Андрея, она видела ситуацию как она есть – экстрасенс Кирилл Аткарский увел у астролога Патрушева женщину.

* * *

Андрей Патрушев был старым знакомым Ларисы Котовой. Они вместе учились в университете. Лариса вспомнила даже одну давнюю историю – Андрей как-то напился и долго рассказывал ей о своих неудачах с женщинами, травмах, которые они нанесли ему. По понятным причинам, он предпочитал высоких длинноногих блондинок, но они не желали отвечать ему взаимностью. Зато Патрушевым увлекались маленькие полноватые брюнетки. В тот вечер Ларисе не было необходимости оказывать ему психологическую помощь: Патрушеву нужен был слушатель, не более. Ее тогда несколько удивило и, может быть, даже немножко обидело, что Андрей в ходе разговора с интересом поглядывал на других

женщин, присутствовавших на той вечеринке, но по отношению к самой Ларисе мужского интереса не проявлял.

Тогда она успокоила себя тем, что он был пьян. Но впоследствии их встречи стали более частыми, однако он по-прежнему был настроен по отношению к Ларисе чисто подругески. Лариса вспомнила, что тогда на уровне подсознания это ее даже нервировало.

Но теперь ситуация требовала именно дружеского участия, и Лариса проявила свои лучшие человеческие качества.

– Ты в порядке? – спросила она, слегка дотронувшись до руки Патрушева чуть выше локтя.

Андрей ничего не ответил. Он хмуро смотрел на сцену, где сидел Аткарский со своей дамой.

– Это Аня Давыдова, – упавшим голосом сказал Патрушев, кивнув на эту пару.

Ларисе все стало ясно – Аня Давыдова была его любовницей. Вернее, судя по дислокации персонажей в зале, уже бывшей. Виной тому являлся Аткарский, и переживания Патрушева были очевидны.

– Она... она... – Патрушев старался подобрать нужные слова, но это у него не получалось, и он, отвернувшись, лишь отчаянно махнул рукой.

Лариса инстинктивно последовала взглядом в том направлении, куда смотрел Андрей, и увидела новых персонажей, появившихся в зале из-за той же самой двери, откуда немно-

го ранее вошли Аткарский с Кравцовой.

Это была группа из нескольких мужчин среднего возраста – все коренастые, небольшого роста. Круглые лица, бритые затылки, круглые глаза, густые брови... И животики, нависшие над ремнями брюк. Словом, обычный типаж «нового русского», или, если проще выражаясь, «бандита».

Они уверенно прошагали в направлении сцены. За ними семенил прилично одетый человек более пожилого возраста, типичный представитель административного работника какой-нибудь властной структуры.

Лариса сразу поняла, что настроены вошедшие господа весьма решительно, если не сказать, агрессивно. Ее предположения подтвердились довольно скоро. Один из бритых отделился от группы и поднялся на сцену, остальные подниматься не стали, и довольно в резкой форме, подойдя к Аткарскому, предложил ему выйти и поговорить. Стоявшие перед сценой люди молчали, но всем своим видом подтверждали серьезность этой просьбы. И Аткарский, поразмыслив несколько секунд, решил уважить просьбу гостей.

Среди тех, кто сидел за столом, тем временем пронесся тревожный шепот.

– Господи, чего они хотят?

– Бандиты какие-то...

– Не знаю, но мне кажется, Аткарский все уладит.

– Может быть, вызвать милицию?

Аня Давыдова заерзала на стуле и, проводив вниматель-

ным взглядом Аткарского с непрощеными визитерами, осталась сидеть на месте. Эвелина Горская была обескуражена и в то же время с каким-то нездоровым восторженным интересом наблюдала за этой сценой. Лариса же по-прежнему делала вид, что все происходящее ей страшно наскучило. На самом деле она в который раз досадовала на себя, что согласилась пойти сюда вместе с Эвелиной. С другой стороны, события начинали приобретать черты некоей авантюры. И к тому же Патрушев... Все это Ларису как-то внутренне тонизировало.

А Патрушев решил, что настал момент, когда ему стоит обратить на себя внимание Анны, дабы поставить все точки над «i» без всяких истерик. Он прошел к столу и остановился около сцены, глядя прямо на нее.

Та тут же заметила Андрея, изобразив на лице испуг и удивление. Она, правда, и раньше подозревала, что где-то, в глубине зала, мог находиться Патрушев, но не была уверена в этом на сто процентов. Теперь ее подозрения оправдались. Однако она опасалась разговора с любовником, поскольку чувствовала себя виноватой, и ей не хотелось, чтобы Патрушев устраивал ей здесь сцену. Во всяком случае, она ожидала от него именно этого.

Однако Андрей стоял и очень спокойным, немигающим взглядом продолжал смотреть на нее. Аня думала, что его молчание должно разразиться в конце концов бурным эмоциональным всплеском, но нет, Патрушев все стоял и мол-

чал. Долго это продолжаться не могло.

Аня встала и, слегка пошатываясь, сама подошла к нему. Патрушев посмотрел на Ларису так многозначительно, что она поняла – лишней в этом разговоре она не будет: Патрушев сейчас нуждался в надежном «тыле».

– Что ты здесь делаешь? – спросила Давыдова чуть хрипловатым голосом.

– Пришел расширить свои горизонты, – попытался пошутить Патрушев. – Впрочем, наверное, как и ты... Только горизонты у нас разные. У меня – профессиональный интерес, а у тебя – похоже, половой...

Последние слова Патрушев постарался произнести как можно более равнодушно, но чуть заметная дрожь в голосе выдала его. Ему было обидно, что его женщину вот так за просто смог закадрить какой-то Аткарский, пусть и пользующийся репутацией личного экстрасенса жены губернатора.

– У тебя, похоже, тоже, – не осталась в долгу Давыдова, явно намекая на присутствие Ларисы.

Котова сделала возмущенное лицо.

– Кстати, Лариса Котова, моя давняя знакомая, – неуклюже представил свою спутницу Патрушев.

Внутренне он досадовал на себя. Все было как-то не так – и его фразы, и его поведение, и его поза, какая-то сутулая, несолидная, подчеркивающая его социальную незначительность. Ему казалось, что он похож на героя какого-то совкового романа, причем положительного. Отрицательным был

Аткарский, к которому уходила его девушка, променяв истинные чувства на деньги. Но собственная положительность отнюдь не радовала Патрушева, его тошнило от нее. Он понимал, что в данном контексте выглядит глупо и жалко. Но чувство постоянной самоотстраненности в критических ситуациях, которое он сумел выработать за годы своего, прямо скажем, невеселого существования, помогало ему пережить все без лишних, ненужных эмоций. Поэтому он спросил у Ани:

– И как тебе этот Аткарский?

– Что ты хочешь этим сказать?

– Ты оценила масштаб его личности? Ты же никогда особенно вроде не интересовалась эзотерикой?

– Он очень интересный человек, – ответила Аня, опустив глаза.

– Я за тебя очень рад, – медленно произнес Андрей. – Желаю вам счастья.

– Патрушев, между нами ничего нет, – подняла на него глаза Давыдова.

– А это уже не так важно... – Патрушев опустил свои.

Он был вполне собой доволен и тут же, чтобы не подпортить это чувство какими-нибудь следующими, не совсем адекватными фразами, поспешил ретироваться в сторону Филимонова, увлекая за собой Ларису. Впрочем, тут же снова подсадовал на себя – не слишком ли театрально выглядела его фраза «желаю вам счастья»?

Ко всему прочему, Филимонов, стоявший неподалеку со скрещенными на груди руками и склонив голову, внимательно наблюдал за разговором теперь уже бывших любовников, в какой-то мере способствуя такому настроению друга. И когда Патрушев подошел к нему почти вплотную, он, отклонившись назад, расхлябанно заплодировал.

Тогда Патрушев построил по этому поводу скептическую физиономию и молча прошел мимо Филимонова.

Тут дверь в зал открылась, и на пороге показался взволнованный Аткарский. Он двинулся было к своему месту, но, словно раздумав, повернулся к публике и сообщил, что ему нужно срочно покинуть столь приятное собрание в связи с неожиданно возникшими делами.

Все выразили невообразимое сожаление по этому поводу. Особенно кручинилась Римма Вячеславовна. Аткарский же, откланявшись, поспешил к Кравцовой, которая одиноко стояла, еще не совсем отойдя от разговора с Патрушевым.

– Аня, ты в порядке? – спросил он.

– Да. А в чем дело?

– Так, ничего. Я сейчас отвезу тебя домой, и мне нужно решить один вопрос.

– Хорошо, – пожал плечами Давыдова, но, судя по ее виду, она была несколько обескуражена.

– В таком случае двинули?

– Да. – И Аня покорно направилась к выходу.

Уже около самой двери она бросила взгляд в сторону ко-

лонны, где стоял Патрушев, но тут же отвернулась. Тот мрачно улыбнулся, глядя на нее исподлобья.

– Ну что, пора и нам, – похлопал его по плечу подошедший Филимонов.

– Наверное, – угрюмо ответил Андрей и неопределенно подвигал тазом.

– О, как ты непосредственен в своих либидозных энергиях! – радостно воскликнул Филимонов. – Так и клокают протуберанцы.

– Ты сегодня на редкость поэтичен.

– А что – жизнь, в отличие от мнения некоторых скептиков, полна поэзии, – выдохнул Филимонов. – Так что, наверное, стоит повторить сегодня наши позавчерашние подвиги...

– С представительницами сферы досуга? – уточнил Патрушев.

– Да, со шлюхами, – грубо подтвердил Филимонов и заржал.

– Лариса... – снова смутился Патрушев. – Мы, наверное, пойдем...

Котова с сожалением посмотрела на Андрея. По ее мнению, Патрушев был явно не в себе и нуждался в помощи психолога. А представительницы сферы досуга, о которых только что упомянул Филимонов, вряд ли смогут выполнить эти функции.

– Кстати, дамы могут присоединиться к нам, – пригласил

Филимонов, поглядывая на Горскую.

– Нет, нет! – поспешила ответить за открывшую было рот подругу Лариса.

Филимонов явно несколько переборщил – Горскую оскорбило невольное сравнение с представительницами сферы досуга – ведь Дмитрий предлагал поехать с ними, имея в виду, что они заменят проституток на них, приличных женщин – Ларису и Эвелину. Поэтому с презрением молча отвернулась.

– Лариса, я тебе позвоню... Можно? – обернулся Патрушев, виновато блестя глазами и как бы извиняясь за приятеля.

– Звони, – пожала плечами Лариса, стараясь казаться равнодушной.

Филимонов с Патрушевым стремительно направились к выходу. Вслед за ними засобирались и Лариса с Эвелиной.

Так закончился мартовский вечер, которому суждено было дать старт очередному криминальному приключению с директором ресторана «Чайка» Ларисой Котовой в главной роли.

Глава 2

В семь утра Ларису разбудил противный звонок, который издавали электронные часы, поставленные ею накануне вечером на стул рядом с кроватью. Этот звук был одним из самых неприятных для ее музыкального слуха, но приобретать другие она не собиралась, так как подозревала, что более приятный мелодичный звон будет не способен вырвать ее из объятий Морфея.

Она открыла глаза и, бережно взяв в руки ненавистный предмет, успокоила его путем переключения реле. После этого, упав лицом в подушку, пролежала так какое-то время. Потом перевернулась на спину и потянулась изо всех сил, внушая себе, что она гибкая, слегка тугая резинка. Тело начало просыпаться, а за телом постепенно, но неизбежно очнулось и сознание.

Лариса оглядела комнату. Солнечные блики трепетали на обоях. А это значило, что весна продолжалась, что на улице солнце, и все это будет способствовать ее хорошему настроению.

Из соседней комнаты доносился храп мужа Евгения. Некоторое время назад они в очередной раз решили развестись, и в качестве первого шага стало разделение постелей. Правда, мера эта уже успела превратиться в ритуал – до реального развода все никак не доходило: после обостре-

ния взаимоотношений следовало их смягчение и, как следствие, возвращение Евгения в супружеское ложе. Сам Котов не особенно по этому поводу беспокоился, он привык к периодическим позиционным военным действиям и знал, что перемирие все равно когда-нибудь наступит. Да и сама Лариса понимала, что, по-видимому, от Евгения ей никуда не деться. Скоро сорок лет, а после этого рубежа обретение нового счастья возможно только в фильме «Москва слезам не верит». Лариса не очень-то верила слезам, тем более в реальность придуманного когда-то режиссером этого фильма сценария. По крайней мере, применительно к себе.

Одно время у Ларисы вообще не было любовников. Но после тридцати наступил период, когда ее волею судьбы стало заносить в разнообразные приключения, порой очень динамичные и острые. Появилось множество знакомств, и их количество возрастало по мере того, как она перестала быть женой «нового русского» и сама стала таковой. То есть когда возглавила ресторан «Чайка», который изначально был детищем Евгения. Правда, тот оплатил только помещение, остальное Лариса сделала сама.

Эти масштабные изменения в социальном статусе, а также погружение в мир криминальных разборок неминуемо привели ее к переоценке ценностей. Несколько лет продолжалась ее связь с капитаном Карташовым, в тандеме с которым она раскрыла не одно преступление. Бывали и случайные связи, было два весьма серьезных увлечения. Но все это,

увы, не заменило прочного фундамента – семью. У них с Евгением росла дочь, которая вот-вот должна была закончить школу, но пока что нуждалась в семье, которая по крайней мере должна быть полной. Да и не видела Лариса среди мужчин такого, который настолько бы удовлетворял всем ее требованиям, чтобы стать для нее единственным в стремительно надвигавшейся второй половине жизни.

Впрочем, может быть, она слишком размечталась. Не ровен час – случится что-нибудь, и смерть придет гораздо раньше, чем ее ожидаешь...

Эти мысли приходили в голову Ларисы тем самым утром, когда она, проснувшись, услышала храп благоверного супруга. Посетовав на себя – какого еще черта она сама себе портит с утра настроение! – Лариса твердо решила встать и идти заниматься обычными делами. Она уже и думать забыла о визите в дом культуры вместе с подругой Эвелиной, который состоялся неделю назад.

Сейчас на нее навалилась утренняя рутина. Решительно сбросив одеяло, Лариса откинула прочь и свои мысли насчет собственной смерти, и перспектив брака с Евгением. Сейчас – только кофе. Настоящий, колумбийский, не растворимый какой-нибудь, а хорошо сваренный.

Блаженство от любимого напитка и первая за день сигарета легкого «Кента» наступило минут через десять. Потом Лариса прошла в ванную, а через полчаса вышла оттуда, готовая к тому, что день, как всегда, пройдет удачно.

В это время по местному радио, включенному почти на полную мощность, передавали новости из криминальной жизни города. Лариса всегда прислушивалась к подобным сообщениям – нередко просто по инерции. Она понимала, что для нее вряд ли будут интересны какие-то корыстные экономические преступления или убийства, совершенные по пьянке простыми, не отягощенными интеллектом людьми. Но неожиданное упоминание диктором имени экстрасенса Кирилла Аткарского заставило Ларису превратиться в слух. Ведущий передачи сообщал о том, что господин Аткарский, в прошлом психиатр, практиковавший в одной из местных лечебниц, известный в городе как выдающийся экстрасенс, был обнаружен вчера вечером задушенным телефонным проводом в собственной квартире.

– Вот это да! – только и сказала вслух Лариса, замерев перед приемником и тупо глядя на него.

И сразу вспомнила вечер в доме культуры, жалкого астролога Патрушева, его непосредственного друга Филимонова, блондинку Анну Давыдову и шизофреничку Олю. У нее появилось предчувствие нового дела – ощущение это было всегда острым, будоражающим кровь. Она чувствовала, что случившееся не может не заинтересовать ее, а перечисленные в сообщении персонажи вполне могут стать основными в ее дальнейших действиях. В том, что они последуют, она уже не сомневалась.

Из состояния ступора ее вывел телефонный звонок. Ла-

риса не сразу сняла трубку, поэтому несколько отрешенным голосом произнесла:

– Алло!

– Лариса, ты уже знаешь?

– О чем?

– О том, что Кирилла Аткарского убили! – с волнением сказала Эвелина Горская.

– Только что слышала по радио.

– А я узнала об этом из других каналов. Какой ужас!

– Да, – машинально согласилась Лариса. – А какие у тебя каналы?

– Самые прямые, – вдруг понизила голос Горская.

– То есть?

– Понимаешь, я с ним... – замялась Эвелина.

– Неужели...

– Об этом не по телефону, – решительно прервала Горская подругу. – Приезжай ко мне в салон к девяти. Я хочу с тобой поговорить. Ты же у нас известная в некотором роде сыщица.

– Хорошо, – ответила Лариса, недолго размышляя. – В девять буду.

Лариса положила трубку и задумалась. Собственно, думать пока что было не о чем – фактом было только то, что Аткарского убили. Однако в сознании Ларисы почему-то сразу всплыло лицо Андрея Патрушева после того, как он увидел свою женщину Анну Давыдову, шествующую под ручку с экстрасенсом через зал в доме культуры «Салют».

«Неужели он? – задавалась вопросом Лариса. – Впрочем, почему бы и нет? Интеллектуалы склонны к эмоциональным решениям, отнюдь не продиктованным разумом».

Встреча с Горской добавила пищи для раздумий, но не слишком много. Главным было то, что, оказывается, первой обнаружила труп экстрасенса не кто иная, как сама Эвелина.

Горская выглядела не так, как обычно – всегда безупречный макияж, в это утро казался небрежно наложенным, а лицо – откровенно бледным. Резче обнажились морщины, которые обычно Эвелина искусно скрывала. Лариса видела перед собой не довольную собой и жизнью парикмахершу, всегда излучавшую уверенность и самодовольство, а перепуганную до смерти, увы, уже не первой свежести женщину.

– Представляешь, какой ужас, Лара, я захожу, а он... – прерывающимся голосом рассказывала Горская, куря одну сигарету за другой.

– Ты сразу же позвонила в милицию?

– Нет, не сразу. Я вышла на улицу и только тогда, из автомата, позвонила, – призналась Горская. – Не хватало еще, чтобы меня подозревали. Нужно мне таскаться по милициям!

В Эвелине явно проснулась стервозная, практичная женщина.

– Лина, а зачем ты к нему приходила? – спросила Лариса. – Ты по телефону обмолвилась...

– Да, я с ним уже была один раз до того, – нервно перебила

подругу Эвелина.

– Когда это ты успела?

– Ах! – отмахнулась Эвелина и заплакала. – Чего уж теперь. На следующий день после того самого вечера.

– И ты пришла к нему, чтобы продолжить, так сказать, свой новый роман?

– Если хочешь, да.

– Да я-то не хочу, – нахмурилась Лариса. – Вот только все это может не очень хорошо закончиться для тебя.

– Что ты имеешь в виду?

– Кто-нибудь знал о ваших, так сказать, встречах?

– По-моему, две дамы из тех, кто был тогда в «Салюте», меня видели с ним, – лихорадочно стала припоминать Горская. – Потом... А-а! – она в испуге приложила ладонь к губам.

– Что?

– Эти двое...

– Какие двое?

– Ну, те, с которыми ты меня познакомила. Один из них еще приглашал нас. С виду вроде интересный мужчина, только хам ужасный...

– Дмитрий Филимонов и Андрей Патрушев? – уточнила Лариса.

– Ну, наверное, я не запоминала точно, как их зовут.

– Так, ладно, оставим это. Вчера ты не заметила ничего необычного около дома или в подъезде Аткарского?

– Нет, – покачала головой Эвелина.

– Ты прикасалась к трупу?

– Нет! – почти выкрикнула Горская.

– Дверь, полагаю, была открыта?

– Да, и я еще удивилась этому.

– И, конечно, на ней остались твои отпечатки пальцев...

– Как это? – еще более испуганно спросила Эвелина.

Потом, будто очнувшись от спячки, снова прижала ладонь к губам, и тут же разрыдалась.

– Ну ладно, успокойся, – Лариса обняла ее за плечи. – У тебя не было никаких мотивов. Будем надеяться, что мы найдем настоящего убийцу. Ведь ты же не убивала Аткарского?

– Да ты что?! – Эвелина мигом прекратила рыдать и с возмущением поглядела на подругу.

– Верю, – спокойно ответила Лариса. – Верю, что не убивала. Это сделал кто-то другой, побывавший в квартире Аткарского до тебя, то есть, как я поняла, до семи часов вечера.

– Да, наша встреча была назначена именно на семь.

Лариса достала сигарету и закурила. Удобно откинувшись в кресле, в котором не раз приводила себя в порядок с помощью Эвелины, она закрыла глаза и начала думать.

– Что же мне делать, Лара? – с интонацией беспомощной девочки спросила немного погодя Эвелина.

– Ничего. Пока ничего, – ответила Лариса.

– Меня не арестуют?

– Не знаю. Будем надеяться, что нет...

Эвелина зарыдала снова, еще громче. Лариса подумала, до чего могут довести непродуманные случайные связи, и слова досады уже были готовы сорваться с ее языка, но Котова вспомнила советы, которые Горская всегда высокомерным тоном давала ей насчет мужчин. Чего, мол, сидишь одна, с этим алкоголиком-мужем и каким-то вшивым капитанчиком-милиционером, у которого и машины-то нормальной нет. Не говоря уже о ресторанах и других развлечениях. Напоминать при этом Эвелине о том, что Лариса сама великолепно водит *свою* машину и имеет *свой* ресторан, было бесполезно – это не укладывалось в голове женщины, привыкшей решать свои проблемы за счет мужчин. Ларисе хотелось в такие моменты хоть какими-то обидными словами отомстить Эвелине, но она всегда вовремя сдерживалась: в конце концов Горская не виновата, что очередного ее любовника кто-то отправил на тот свет непосредственно перед их встречей.

– Лара, ты не можешь... – слышалась робкая просьба.

– Чего?

– Позвонить в милицию своему... ну, этому... твоему...

– Олегу Валерьяновичу? – Лариса намеренно назвала своего бывшего любовника по имени-отчеству, как бы придавая этим самым Карташову в глазах подруги значимость и солидность.

– Ну да, по-моему, его фамилия Карташов. Ты мне про него рассказывала...

– И что? – Лариса не отказала себе в удовольствии перебить Эвелину.

– И... ну, узнать, как там следствие идет. Кого подозревают, и все такое.

Лариса сделала вид, что раздумывает над ее словами.

– Вы ведь с ним свои люди. Что тебе стоит? – Эвелина так жалобно просила, что Лариса устыдилась своего высокомерия и, обняв подругу за плечи, ласково произнесла:

– Конечно, Лина... Конечно, позвоню.

* * *

Лариса набрала номер Карташова по своему мобильнику прямо из салона Горской. Спустя полминуты она сказала Эвелине:

– Ну вот, он ждет меня. Я еду...

– Будь с ним поласковее, – бросила в спину Ларисе напутствие Эвелина.

– Как-нибудь сама разберусь, – пробурчала себе под нос Котова и вышла из салона.

Карташов этим утром являл самую любезность. В новом костюме и галстукe, тщательно выбритый, он был словно образец благополучия и довольства.

– Какие люди! – широко улыбнулся он при виде Котовой. – Что-то давненько мы с вами, Лариса Викторовна, не работали вместе. Хотите предложить поймать очередного

опасного преступника? Давайте, давайте... А то мне начальство все подполковника обещает, а тут стимул будет дополнительный.

– Как вы непоследовательны, Олег Валерьянович, – улыбнулась в ответ Лариса, подставляя щеку для ритуального, дружеского поцелуя. – То гоните – не мешай, мол, работать честным ментам, а то к сотрудничеству приглашаете...

– Человеку свойственно менять свое мнение, – не стусеивался Карташов. – А сегодня просто настроение хорошее.

– А вот у меня не очень.

– Что такое случилось?

– Вчера вечером в городе снова произошло убийство, – вздохнула Лариса, опускаясь на стул и прикуривая сигарету.

– Оно уже почти раскрыто, – тут же ответил Карташов.

– Да ну? – удивилась Лариса.

– Если ты про некоего... – Карташов заглянул в какую-то бумагу на столе, – Аткарского, то...

– Да, про Аткарского.

– Там все почти ясно. Ребята сейчас работают с главным подозреваемым. Там и отпечатки пальцев, и все остальное. Я имею в виду мотивы. Человек неуравновешенный, не в себе, сразу видно, дело его рук.

– И кто же он? – широко раскрыла глаза Лариса.

– Ты его знаешь, и, конечно, будешь уверять меня, что он ни в чем не виноват, – скептически ухмыльнулся Карташов.

– Ты сначала скажи мне, кто он.

– Патрушев Андрей Владимирович, – снова сверился с бумагами Олег. – Астролог из газетки «Терапия». Словом, одна шайка-лейка. Мистик мистика любил, а потом мистик мистика убил.

– Шутка хороша, Олег Валерьянович, – ответила Лариса. – Но я не верю в это. Ты будешь смеяться, но я этого Патрушева знаю. Судя по твоим словам, между ним и покойным Аткарским была любовная связь?

– Не знаю, может, что-то там и было, – брезгливо скривился Карташов. – Этих интеллигентов не поймешь, у них вечно все через задницу.

– Нет, я Патрушева знаю, – увереннее повторила Лариса. – Вместе с ним училась в университете. Он вряд ли мог...

– Ну вот, видишь, я тебя уже насквозь вижу. Ты только вошла в кабинет, а я уже знаю про тебя все, – гордо вскинул голову майор.

– Но я не... верю, – запнулась Лариса.

Несмотря на то что Андрей был ее знакомым, похоже, Карташов в данном случае прав – если там найдут отпечатки пальцев и плюс мотивы, которые Ларисе были известны, то... Скорее всего он все же виноват. Однако в голове Ларисы лихорадочно заработали другие мысли.

– Но... – Котова отчаянно пыталась соображать. – Но... Я помню, что... В общем, когда мы были в этом доме культуры, у Аткарского кажется, появились, какие-то проблемы с бандитами. Но Андрюшка-то здесь при чем?

– Когда были? В каком доме культуры? Какие бандиты? – быстро задавал вопросы Карташов.

Ларисе пришлось рассказать всю историю знакомства ее с экстрасенсом Аткарским, умолчав о том, что в деле замешана и ее подруга Эвелина Горская.

– Угу, угу, – промычал Карташов, выслушав Ларису. – И что же ты видела?

– То, что за четыре дня до смерти у Аткарского случился конфликт с... – Лариса слегка помялась. – Словом, с представителями криминальных структур.

– Криминальные структуры – это что? – нахмутив брови, спросил Карташов.

– Это бандиты, – как-то простодушно ответила Лариса.

– Бан-ди-ты? – по слогам задумчиво произнес следователь. – Как их зовут? Почему ты думаешь, что это были бандиты?

– Они вели себя очень агрессивно, в них чувствовалась какая-то сила... Они что-то требовали, и по их поведению было понятно, что они могут этого добиться. Самое же главное – что Аткарский им подчинялся, – объяснила Лариса.

– Но это всего лишь твои предположения, – скептически скривился Карташов, напряженно вертя в руках авторучку. – Как они хоть выглядели-то?

– Двое крепких мужчин, – Лариса отчаянно помогала себе руками. – Очень хорошо одеты – в русле современной моды. Карташов усмехнулся.

– А какие-нибудь приметы? Родинки, шрамы, прически, татуировки?

– Ну, извини, – слегка обиделась Лариса. – Ничего такого я не заметила.

– Ну а если увидишь их, узнаешь?

– Мне кажется, да, но не уверена. Потому что я стояла немного далековато от них.

– Далековато... – протянул Карташов. – Не уверена... Мужчины крепкие, особых примет нет... Девушка!

Карташов внезапно посмотрел на Ларису, как в былые времена прокурор сталинской тройки на врага народа.

– А ты это не придумала, а? Чтобы вытащить своего дружка?

– Слушай, Карташов, это уже хамство! – возмутилась Лариса. – Я ничего никогда не выдумываю.

– Ладно, ладно, уж и пошутить нельзя! – предупреждая, поднял руки вверх Олег. – А какие все-таки у тебя были отношения с подозреваемым?

– Карташов, прекрати, – не смогла удержаться от улыбки Лариса. – Ревновать, что ли, меня вздумал?

Олег промолчал, а Лариса продолжила:

– Исключительно дружеские отношения. Далеко не близкие. И в клубе мы встретились совершенно случайно.

– Угу, угу, – снова задумчиво промышчал Карташов.

– Кстати, кто обнаружил труп? – спросила Лариса.

– Какая-то баба, – бросил Олег и, взглянув на Ларису, еще

не остывшую от возмущения, поспешно поправился: – Извини, женщина. Соседка, наверное, не захотела таскаться сюда, позвонила анонимно. К нам же идут добровольно только тогда, когда их обокрадут или на улице нападут.

Последние слова Карташов произнес с чувством явной обиды за то учреждение, которое он имел честь представлять.

– А как с мотивами? – спросила Лариса.

– Тут тоже все более-менее понятно, – повел бровью Карташов. – Сама же говорила про эту самую... Кравцову. Это не только ты говорила, это показали еще несколько человек.

– Кто они?

– Дамы из свиты экстрасенса, – криво усмехнулся Карташов. – Их можно было бы принять за наложниц, но уж больно все невзрачны. И сумасшествие видно за версту в глазах.

– И что они говорили?

– А то, что Патрушев был учеником Аткарского, потом начальник, так сказать, отбил у подчиненного невесту, а тот обиделся. Мотив налицо. Мужчина этот астролог неуравновешенный, стремный, так что...

Карташов развел руками, показывая тем самым, что предмет разговора, по его мнению, исчерпан.

– Понятно, – вздохнула Лариса.

– Так что, будешь заниматься этим делом? – спросил Карташов.

– Даже не знаю, – ответила Котова, хотя уже знала, что

делом этим займется, если только Патрушев и впрямь не сам удавил по глупости своего учителя-экстрасенса.

– А лучше, Лариса, помоги-ка мне раскрыть квартирную кражу в Магнитном проезде, – Олег подбросил на ладони папку.

– Нет, мне некогда, – Лариса посмотрела на часы. – В ресторан пора.

– Передай привет своему администратору, – улыбнулся Карташов. – Давно его не видел.

Лариса пообещала выполнить просьбу Карташова. Администратор ресторана Степаныч относился к майору скептически и постоянно награждал его красноречивым, тяжелым и неодобряющим взглядом, когда тот направлялся в Зеленый кабинет для встречи с начальницей, то бишь с Ларисой. Эти романтические времена уже миновали, но взаимная неприязнь Степаныча и Карташова продолжала жить, по крайней мере, со стороны злопамятного майора.

День прошел вполне нормально, без каких-либо из ряда вон выходящих происшествий. Лариса уже успела отвлечься и не думать об убийстве Аткарского. Она позвонила Эвелине и успокоила ее – милиция ее не только не подозревает, но и не знает, что существует в мире такая парикмахерша, которая обнаружила труп.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.